

ОБЩЕСТВО И ЧЕЛОВЕК

Жизнь столичной интеллигенции в шестидесятые: опыт анализа эпистолярного наследия¹

С.Н. СМЕРНОВ

Трудно понять жизнь предыдущих поколений, не обращаясь к документированным свидетельствам ушедшей эпохи. Важным источником информации являются архивы домохозяйств, хранящие личную переписку граждан. В статье на примере одного из наиболее интересных для СССР периодов – так называемых «шестидесятых» показана повседневная жизнь интеллигенции Москвы и Ленинграда.

Ключевые слова: интеллигенция, шестидесятые (годы), переписка, стиль жизни

Зачем я написал эту статью, отличающуюся и по теме, и по стилистике, и по использованным источникам – от всего опубликованного мной раньше? Прежде всего, потому что, несмотря на материальную мотивацию абсолютного большинства решений и поступков современного россиянина, многие из нас признают и свои нравственные обязательства. Хотя бы перед своими родителями, а, значит, – и перед их друзьями, формировавшими определенный социум, частичка которого уходит со смертью каждого из них. Постепенно накапливается критическая масса ушедших – и социум распадается, оставаясь лишь в воспоминаниях следующего поколения. А уж последующее вообще не будет иметь представления, как жили их бабушки и дедушки, с какими проблемами – не только общественно-политическими, но и бытовыми они сталкивались в период своей активной жизни.

Ну, например, в шестидесятые годы прошлого века.

Шестидесятые: объективное и субъективное

Они были настолько неповторимы, что отпевать себя (причем почти в прямом смысле) многие из живших в Советском Союзе в шестидесятые годы двадцатого века стали еще в середине восьмидесятых, когда, казалось, их время возвращает-

¹ Автор искренне признателен доценту кафедры теории и практики государственного управления НИУ ВШЭ П.М. Кудюкину за содержательные и редакционные уточнения и замечания, сделанные им после прочтения первого варианта статьи.

ся. Не достигший еще 40-летия, не поседевший и не полысевший Вадим Егоров (1947) в мае 1986 г. спел про «неповторимые шестидесятые», «где юность наша замерла, как мошка в янтаре» [Электронные ресурсы 1]. О них же спел и ленинградец Борис Алмазов (1944): «Прощайте, юности мечты крылатые//Прощайте, стаи белых голубей//И вы, наивные шестидесятые//Что с каждым днем все дальше, но видней» [Электронные ресурсы 2].

Но только ли в юности дело? Мне, родившемуся десятилетием позже В. Егорова и Б. Алмазова, пишущему порой стихи, мне, чья юность пришлась на шестидесятые, никогда не придет в голову ностальгировать по ним, равно как по восьмидесятым или девяностым, тем более по нулевым, а вот дух шестидесятых, фильмы шестидесятых, Окуджаву шестидесятых с его «синим троллейбусом» или «автобусом новеньким» я, бывший в ту пору мальчишкой, вспоминаю именно с сожалением как о безвозвратно и навсегда утраченном. Время неповторимое, наполненное запахами весенней земли, дыма костра в подмосковном лесу, керосинок пригородных дач. Время непрерывного общения родственников по духу людей. В квартире моих родителей на дни их рождения в двух комнатах четырехкомнатной квартиры собирались веселые и шумные компании друзей по двадцать с лишним человек. Ответные приглашения и визиты не заставляли себя ждать.

Впрочем, я субъективен в своих оценках, поскольку моя жизнь – жизнь в семье интеллигентов не была массовой для страны, но не такой уж и редкой для ее столицы.

Глаза честно работавших молодых еще родителей и их друзей – отнюдь не диссидентов, но всегда называвших черное – черным, Сталина – мерзавцем и искренне припадавших к Ленину, бывшему в их глазах номинальным якорем коммунистической парадигмы, создавали неповторимый колорит эпохи. Мой отец Н.Г. Смирнов (1926) – участник Великой Отечественной войны, полковник юстиции, заслуженный юрист России, окончил Военно-юридическую академию в 1953 г. и был распределен на работу в Военную Коллегию Верховного Суда СССР. Он готовил материалы к реабилитации маршала СССР М. Тухачевского, был запасным секретарем судебного присутствия на процессе маршала СССР Л. Берии в 1953 г. и секретарем судебного присутствия на процессе Н. Рухадзе² и других в Тбилиси в сентябре 1955 г., на процессе М. Багирова³ в Баку в апреле – мае 1956 г. Он имел веские аргументы воспринимать Сталина тем, кем он был на самом деле⁴; у него были веские документально подтвержденные аргументы преступлений сталинской эпохи, и потому он всегда крайне негативно относился к попыткам негласной реабилитации бывшего вождя⁵.

² Генерал-лейтенант, министр внутренних дел Грузинской ССР в 1948–1952 гг.

³ Бывший первый секретарь ЦК Компартии Азербайджанской ССР в 1933–1953 гг.

⁴ В те же шестидесятые бард А.А. Галич (1918–1977) пел о Сталине (глава 4 «Поэмы о Сталине»): «Оказался наш Отец/Не Отцом, а сукою».

⁵ Обвинениями сталинскому режиму являются опубликованные им книги [Смирнов 1997; Смирнов 2001], а также неопубликованная рукопись о процессах Рухадзе и Багирова [Смирнов 2003]. Неформальный рецензент статьи П.М. Кудюкин (см. сноску 1) вносит яркий штрих в характеристику отношения шестидесятников к Сталину, вспоминая, что его отец, тоже участник Великой Отечественной войны М. Кудюкин

Декартова система координат, простая для человеческого восприятия, наполняла жизнь смыслом, а советская система распределения товаров и услуг позволяла интеллигенции не думать о хлебе насущном, о званиях заслуженных и народных в только что созданном театре «Современник», о повседневной борьбе за дефицит, нависший, словно кустодиевский большевик, над страной, но не ставший пока еще тотальным.

В шестидесятые годы заработная плата профессионально состоявшейся технической и гуманитарной интеллигенции превышала средние показатели по стране. Например, зарплата кандидата наук, имеющего десятилетний стаж научно-педагогической деятельности (300 руб.) в 1970 г. превышала среднюю по России почти в 2,5 раза. Я не говорю уже о денежном довольствии кадровых офицеров... Другое дело, что часть этих денег не имела товарного покрытия, поскольку в стране в условиях роста дефицита постоянно расширялась система нерыночного распределения товаров и услуг. Тогда, в шестидесятые, нельзя было свободно вступить в жилищный кооператив, приобрести легковой автомобиль, отправиться в туристскую поездку в зарубежную страну, а к моменту краха СССР свободного доступа не было уже и к продуктам питания.

Прозрачная, неосязаемая аура шестидесятых, разрушалась постепенно: расстрел рабочих в Новочеркасске, выхлопы советских танков в Праге, отказ от реабилитации Н. Бухарина и А. Рыкова, исключение из партии А. Некрича⁶, повторное отнесение к врагам народа Раскольникову (не Родиона, конечно, а Федора), автора «Открытого письма Сталину»⁷. Прощание с эпохой – «Июльский дождь» (1967) режиссера М. Хуциева: всего-то шесть лет прошло с «Заставы Ильича», но не стало уже живущей радостью завтрашнего дня страны⁸.

О политических, морально-этических проблемах, с которыми сталкивались в шестидесятые советские граждане, написано очень много⁹. А вот их повседневный быт – работа, жилье, посещение магазинов, культурная жизнь – исследованы в гораздо меньшей степени. Как правило, в материалах как советского, так и постсоветского периодов для характеристики шестидесятых используются бесстрастные цифры, говорящие, что по материально-вещественным критериям жизнь советских граждан действительно улучшилась. Вот свидетельство в пользу данного вывода – таблица с не очень формальными названиями рубрик, где сведены, однако, вполне строгие статистические данные по РСФСР – крупнейшей из республик прежнего СССР, в которой жил автор.

(1921–2005), носил «наизнанку» медаль «За победу над Германией», объясняя свое поведение тем, что он не может простить Сталину предательства революции.

⁶ А. М. Некрич (1920–1993) – доктор исторических наук. В 1967 г. был исключен из КПСС с формулировкой «за преднамеренное извращение в книге «1941. 22 июня» [Некрич 1965] политики Коммунистической партии и Советского государства накануне и в начальный период Великой Отечественной войны, что было использовано зарубежной реакционной пропагандой в антисоветских целях», а в 1975 г. эмигрировал в США.

⁷ Только спустя четверть века историк П. С. Кольцов (1929–1992) сумел опубликовать книгу о Ф. Раскольникове [Кольцов 1990], которая была написана еще в первой половине 1960-х гг.

⁸ Третья часть этой своеобразной кинотрилогии – «Послесловие» вышла на экраны в беспросветном 1982 г.

⁹ Обширную библиографию можно найти в [Вайль, Генис 1996].

Таблица 1. Улучшение быта населения России в 1960-е гг.

Сфера, показатели	Ед. изм.	1960	1970	1970 к 1960
Образование				
Число лиц с высшим образованием	чел./1000 чел.	9*	44	4,9
Работа				
Среднемесячная денежная заработная плата	руб.	83,1	126,1	1,5
Жилищные условия				
Обеспеченность городского населения жильем	м²/чел	9,3	11,2	1,2
Техническое обеспечение домохозяйств				
Продажа товаров культурно-бытового назначения: – холодильников	тыс.шт.	248	1941	7,8
– стиральных машин	тыс.шт.	487	2556	5,2
– телевизоров	тыс.шт.	898	3091	3,4
– электропылесосов	тыс.шт.	232	598	2,6
– радиоприемников и радиол	тыс.шт.	2113	3270	1,5
– мотоциклов и мотороллеров	тыс.шт.	413	632	1,5
– велосипедов и мотовелосипедов	тыс.шт.	1571	2314	1,4
Питание				
Потребление на душу населения в год: – рыбы и рыбопродуктов	кг	12,0	18,6	1,6
– молока и молочной продукции	кг	255	331	1,3
– яиц	шт.	128	182	1,4
– мяса и сала	кг	41	50	1,2
– овощей и бахчевых	кг	69	82	1,2
Отдых				
Число мест в санаториях, домах отдыха и пансионатах	тыс.	287	490	1,7
Культурная жизнь				
Число посещений театров	млн	56,9	69,9	1,2
Число посещений киносеансов	млн	2279	2804	1,2
Число музеев	ед.	492	582	1,2
Социальная ответственность домохозяйств				
Число вкладов в сберкассах	млн	33,8	49,9	1,5
Средний размер вклада	руб.	214	563	2,6

*1959 г.

Составлено по: «Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. Статистический ежегодник». М.: Статистика, 1971

Не буду подробно комментировать приведенные достаточно радужные цифры – желающие могут осуществить это самостоятельно и сделать принципиальный вывод о несопоставимости российского домохозяйства 1960 г. с домохозяйством 1970 г. Последнее в целом более образовано, лучше оснащено бытовой техникой, его члены больше получают за свой труд, у них шире возможности для отдыха и удовлетворения своих культурных потребностей. Авторы популярных комментариев к происходившим в тот период изменениям оптимистичны: «Никогда еще наша страна не располагала такими ресурсами предметов широкого потребления, и в то же время никогда еще не была столь велика покупательная способность населения. [...] В 1960 г. в столице продано мяса на 8,3% больше, чем в 1959 г.,

колбасных изделий – на 7,3%, молока и молочных продуктов – 14,5%, одежды – на 12%, трикотажных изделий – на 6,8%, мебели – на 17,5%, радиол и радиоприемников – 27,4%» [Магазины... 1961, с. 3–4].

Но пройдут ли эти цифры проверку реальной жизнью, имелся ли принципиальный разрыв между выводами из официальных реляций и повседневными бытовыми проблемами тогдашних жителей России? И как провести подобную проверку? Ведь с последнего года из десятилетия шестидесятых прошло более 40 лет. Социологические опросы здесь не могут быть использованы по той же причине, что и многие мемуары – в обоих случаях неизбежна определенная абберация памяти и естественная идеализация времени молодости, здоровья и незамутненных идеалов. Те из ныне живущих, которые отметили в 1970-м свое тридцатилетие, уже преодолели семидесятилетний рубеж. Я даже не говорю о сорокалетних сорокалетней (sic!) давности.

Эпистолярное наследство: возможности использования

Но, тем не менее, такая проверка вполне осуществима, поскольку реально существует машина времени – эпистолярная. Заводится она очень просто – извлечением письма из конверта с почтовым штемпелем, в ряду цифр которых пятая – «6» или же – «7» (в последнем случае шестая – «0»). Например, сочетание цифр 010461 на почтовом штемпеле означает, что письмо было отправлено корреспондентом или же пришло адресату 1 апреля 1961 года.

Советская интеллигенция часто писала письма. Своим родственникам, друзьям и знакомым, относившимся, как правило, к той же социальной страте, во всяком случае, говорившим на том же языке, что и корреспондент, и схоже относившимся к советской действительности. Текстовые фотографии шестидесятых – так их нужно воспринимать. Это бесценный материал, объективно характеризующий интересующее нас десятилетие. Можно по-разному относиться к воззрениям авторов писем, но сфальсифицировать их нельзя.

Многое из эпистолярного наследия утрачено – порвано непосредственно после прочтения, выброшено при переездах, да и вообще противодействие распаду связи времен объективно никогда не является приоритетом поколения детей. Хорошо, что в нынешней России есть возможность сохранить личные архивы семей, передав в организованный в 1992 г. Центральный московский архив-музей личных собраний. В настоящее время здесь находятся несколько сотен персональных фондов, в том числе фонды активных шестидесятников – театрального критика В. Вульфа (1930–2011), участника правозащитного движения в СССР педагога и поэта И. Габая (1935–1973), актера и драматурга Г. Епифанцева (1939–1992), литературоведа и критика В. Лакшина (1933–1993), ученых, публицистов, общественных и политических деятелей Р. и Ж. Медведевых (1925), художника Э. Белютина (1925), писателя А. Рыбакова (1911–1998) и других [Электронные ресурсы 3].

Письма многих деятелей советской культуры опубликованы. Конечно, не всегда относящиеся к шестидесятым. Например, в США впервые была издана

переписка Б. Пастернака с его двоюродной сестрой – филологом О. Фрейденберг [Пастернак 1981]. В СССР вышел двухтомник писем Вл.И. Немировича-Данченко [Немирович-Данченко 1979]. Из 602 включенных в него писем 256 (т.е. более 40%) относятся к советскому периоду. Список можно продолжить, но важно другое: при публикациях отбираются, прежде всего, те письма, которые имели общественно-политическое значение, а бытовая компонента представляется, как правило, вторым планом.

Моя же задача как аналитика, занимающегося социальными проблемами, в данном случае заключалась не только в том, чтобы представить идейно-политические оценки событий, произошедших в рассматриваемом десятилетии (хотя и это является важным и составляет часть данной статьи), но и попытаться документально подтвердить стиль жизни интеллигенции в крупнейших городах СССР – Москве и Ленинграде в шестидесятые. Для этого необходимо было из имеющихся в моем семейном архиве более чем тысячи писем отобрать те, которые представляют наибольший интерес, причем не только для живых шестидесятников и их детей, но и для лиц младших возрастных когорт населения (прошу прощения у читателя за использование этого строгого демографического термина в не очень строгой по академическим критериям статье), которым не очень понятно, как, например, был организован быт поколения их дедов полвека назад, как они относились к правилам жизни в стране, называвшейся СССР (1922–1991).

Итак, воспользуемся эпистолярной машиной времени. Отбор писем для последующего анализа был осуществлен следующим образом. Сначала был выбран основной адресат писем, подлежащих чтению и анализу. Таковым стала мать автора, кандидат исторических наук Валентина Акимовна Смирнова (1927–1990). Именно ей адресовано большинство писем, сохранившихся в семейном архиве. Ее трудовая биография связана с Институтом марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС, где она занимала должность старшего научного сотрудника сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Перу адресата принадлежат многочисленные статьи и главы в коллективных монографиях, книги о В. Вольфе (1809–1864) [Смирнова 1963] и французском ученом и революционере, «генерале Парижской коммуны» Г. Флурансе (1838–1871) [Смирнова 1972]. Последняя ее статья – о Д.Б. Рязанове (1870–1938), первом директоре института, была впервые опубликована незадолго до смерти [Смирнова 1989] и впоследствии включена в сборник статей о репрессированных ученым АН СССР [Трагические судьбы... 1995].

Далее были установлены критерии отбора писем, подлежащих анализу. Такие письма должны были быть получены от корреспондентов:

- 1) являвшихся друзьями адресата;
- 2) постоянно проживавших в Москве или Ленинграде (включая выезжавших из Москвы в зарубежные командировки);
- 3) имевших высшее образование;
- 4) состоявших с адресатом в постоянной переписке в период 1960–1970 гг.

В результате произведенного отбора для анализа были отобраны письма 5 корреспондентов, краткие биографические справки о которых приводятся ниже.

Корреспондент 1. Лариса Лазаревна Альбина (1929–1993) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела редкой книги Российской национальной библиотеки (Ленинград)¹⁰.

Корреспондент 2. Регина Александровна Зиновьева, урожденная Успенская (1929–1981) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института международного рабочего движения (ИМРД) РАН (Москва).

Корреспондент 3. Лев Николаевич Котлов (1927–1983) – доктор исторических наук, профессор Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ (Москва).

Корреспондент 4. Герта Алексеевна Николаева-Суровцева (1928–1996) – главный библиограф ИМЛ (Москва).

Корреспондент 5. Борис Григорьевич Тартаковский (1911–2002) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИМЛ, автор изданных уже в XXI в. мемуаров о своем поколении [*Тартаковский* (1), (2) 2005] (Москва).

Как адресат, так и все корреспонденты, за исключением Л.Л. Альбиной и Л.Н. Котлова, были членами единственной существовавшей в стране партии – КПСС. Однако данное обстоятельство не мешало им быть адекватными и порядочными людьми.

Из текстов отобранных писем были сделаны выписки, в той или иной степени отражавшие отношение корреспондентов к общественно-политической жизни в СССР в 1960-е гг. и советской истории, их повседневный быт.

Всего для цитирования были выбраны фрагменты 33 писем. Эти фрагменты с известной степенью условности разделены на крупные тематические группы. А далее перед автором статьи встал вопрос: с анализа какой из тематических групп начать? Приоритет был отдан личностям корреспондентов, которые проявляются через их отношение к общим проблемам, стоявшим в шестидесятые – страновым и мировым. После анализа соответствующих фрагментов можно будет понять и отношение корреспондентов к стилю жизни и сопутствовавшим ей сугубо бытовым проблемам, которым приходилось решать столичной интеллигенции в шестидесятые годы.

Приводимые фрагменты писем не редактировались, но в некоторых случаях в них были вставлены не влияющие на смысл знаки препинания, пропущенные корреспондентами.

Общественно-политическое устройство СССР, история страны

Конечно, в первую очередь, шестидесятые в СССР характеризовались борьбой про- и антисталинской общественно-политических тенденций. Корреспонденты однозначно принадлежали к тем, кто пытался в меру своих профессиональных и человеческих возможностей усилить последнюю. Вряд ли они в то время осоз-

¹⁰ Здесь и ниже указаны должности корреспондентов на момент смерти или выхода на пенсию. Российская национальная библиотека до 27 марта 1992 г. имела название «Государственная публичная библиотека (ГПБ) им. М.Е. Салтыкова-Щедрина», в просторечии – «публичка».

навали в полной мере порочность общественно-политического устройства СССР, но факты постепенно накапливались, и первые обобщения уже были сделаны именно в то время.

Вот, например, письмо из Сочи от Б.Г. Тартаковского (26 мая 1964 г.): *«Удовлетворен тем, что наше почтенное учреждение¹¹ стоит непоколебимо на страже и ведет борьбу как «за», так и «против». Я же, грешный, никакой борьбы не веду. [...] Вот так и кручусь вокруг привычных, стершихся, обкатанных слов и выражений, в рамках привычных схем и заранее известных выводов. И никак не найдешь путей, которые позволили бы разорвать эту клейкую паутину давно заученных формул, дешевых приемов и методов – не выводы из фактов, а факты для подкрепления уже установленных положений»*. Уже из последней фразы этого письма видно, что корреспондент, историк по образованию и роду профессиональной деятельности, прекрасно понимает, что историческая правда в СССР – вторична по отношению к общественно-политическим канонам советского общества. Подвергающие хоть каким-то сомнениям эти каноны источники немедленно отправлялись в так называемый библиотечный спецхран, где на следующем этапе дифференцировались по степени угрозы и получали либо одну, либо две «шайбы» (соответственно грифы «секретно» или «совершенно секретно»).

Четырьмя годами ранее – в 1960 г., находясь на летнем отдыхе в г. Павловске Воронежской области, он же пишет адресату: *«Что вообще слышно в нашем «Мавзолее науки»?»,* подразумевая все тот же ИМЛ. Формально это определение обязано переезду в апреле того же года института из бывшего особняка Гагариных на улице Маркса-Энгельса (ныне Малый Знаменский переулок) в Москве в бывшее здание Коминтерна в районе станции метро ВДНХ. Монументальное сталинской архитектуры серое шестиэтажное здание с шестью же колоннами, подпиравшими портик на уровне третьего этажа, действительно навевало мысли о мавзолее. Но это – форма, а суть – в ортодоксии этого учреждения, беспощадно «рубившего» неканонические взгляды на марксистско-ленинское учение. Бытовало даже определение «немарксистские статьи Маркса». К таковым были отнесены составившие цикл «Разоблачение дипломатической истории XVIII века», которые первоначально должны были войти в состав изданного в 1977 г. 44-го тома Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Любопытно, что решение об отнесении этого цикла к «немарксистским» принималось на уровне ЦК КПСС. В результате данная работа Маркса была опубликована уже на излете перестройки [Вопросы истории 1989].

Сходными с высказанными Б.Г. Тартаковским оказались и сомнения, описанные в письме Г.А. Николаевой-Суровцевой (2 июля 1966 г.), отправленном адресату в санаторий МО ПВО¹² в Сухуми: *«В Ин[ститу]те было обсуждение 3-го тома истории КПСС со старыми большевиками. Прошло бурно и интересно. [...] Бой был за и против культа. Но позиции остались у каждого свои. П[етр] [Поспелов]»¹³,*

¹¹ Речь идет об ИМЛ периода хрущевской оттепели, когда степень ортодоксальности этого учреждения по сравнению с предыдущими десятилетиями несколько снизилась [Мосолов 2010].

¹² МО ПВО – Московский округ противовоздушной обороны.

¹³ Поспелов Петр Николаевич (1898–1979) – советский партийный деятель. В 1966 г. – директор ИМЛ при ЦК КПСС.

выступая, сказал, что XX съезд – это, конечно, хорошо. У него у самого сердце обливается кровью (видимо, не своей), когда он думает о 37 годе. Но есть вместе с тем постановление 1956 г., в кот[ором] наряду с недостатками отмечаются и заслуги. И это не следует забывать. [...] В первый день совещания пришли некоторые из ин[ститута] истории, а их публично не пустили, сказав, что это не для молодых историков, а для старых большевиков. [...] Как сказал внук Петровского¹⁴ с трибуны, ему удалось прорваться «под личную ответственность». Этот отрывок столь ярок, что не нуждается в специальных комментариях. Замечу лишь, что речь в этом письме идет о многотомном (6 томов) издании, которое в кулуарах называлась «многотомной историей КПСС», поскольку при его подготовке факты также отбирались по критерию партийной целесообразности, а не исторической правды.

Обращу внимание на стилистику двух приведенных фрагментов. При их текстологическом анализе возникает ощущение, что это – интеллектуальный стеб, ширмой которого корреспонденты ограждают себя от более глобальных выводов.

В том же стиле выдержано письмо Б.Г. Тартаковского (21 мая 1964 г.), отправленное адресату из одного из «партийных» санаториев Сочи: *«Вчера у нас была экскурсия. Ездили в Зеленую рошу и посмотрели дачу папашы¹⁵. [...] В апартаментах стоят обычные кровати и спят обычные девицы. В бывшей приемной клюют носом какие-то подвыпившие пожилые отдыхающие. Sic transit¹⁶ и т.д.»*

Лукавством пронизано и письмо Г.А. Николаевой-Суровцевой (17 июня 1970 г.), отправленное адресату в дом отдыха «Зеленогорский» Ленинградской ВМБ¹⁷: *«Вот по радио говорят, что все приняли активное участие в голосовании. А наша дача использовали свои права [не]полностью. Проголосовал один товарищ Шарапов¹⁸. Шел дождь. Шел один, мы не шли и сидели дома»*. Здесь затронут сюжет из жизни уже не только интеллигенции, но и населения страны в целом.

Как известно, в СССР вместо реального парламента существовала декорация – двухпалатный Верховный Совет СССР, срок полномочий которого в рассматриваемый период составлял 4 года. 14 июня 1970 г. проводились очередные выборы, также носившие декоративный характер. «Избирателю» было предоставлено право выбирать кандидатов из «нерушимого блока коммунистов и беспартийных», либо голосовать против этого блока. К этому времени советский режим был представлен в более мягком варианте по сравнению с тем, который существовал тремя десятилетиями раньше. Неучастие гражданина в выборах не влекло за собой репрессий, и в

¹⁴ Петровский Леонид Петрович (1933) – историк, внук Петровского Григория Петровича (1878–1958), русского революционера, советского партийного и государственного деятеля. В 1966 г. – сотрудник Московского историко-архивного института.

¹⁵ Речь идет о даче И.В. Сталина (1879–1953) в Хостинском районе г. Сочи. Построена в 1937 г. В настоящее время – часть санатория «Зеленая Роша», где, согласно рекламе, отдыхающий может «отведать великолепные блюда кавказской кухни, а также эксклюзивные любимые блюда Сталина», «просмотреть видеофильм о жизни вождя» [Электронные ресурсы 3].

¹⁶ Sic transit [gloria mundi] (лат.) – так проходит [мирская слава (слава мира)].

¹⁷ ВМБ – военно-морская база.

¹⁸ Ю.П. Шарапов-Антонов (1920–2005) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Автор книги о Московском институте истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского (ИФЛИ) [Шарапов 1995]

этих условиях по негласному соглашению между «избирателями» и членами избирательных комиссий бюллетени просто вбрасывались в урны. Вследствие этого в голосовании принимали участие практически все советские граждане: в тех выборах, о которых идет речь в письме, приняли участие 99,95% избирателей, внесенных в списки, из которых против кандидатов блока коммунистов и беспартийных проголосовали всего около четверти (!) процента [Электронные ресурсы 4]. Нынешнему поколению российских избирателей такая электоральная статистика просто непонятна. Это не означает, конечно, что нет тех же вбросов бюллетеней и их фальсификаций, но масштабы явления несопоставимы с советской эпохой.

Теперь проведем нехитрые расчеты. В процитированном фрагменте письма упоминается «наша дача». Поясню – это тоже элемент стиля жизни столичных интеллигентов в шестидесятые. Не имея собственных дач и садово-огородных участков (садово-огородные товарищества создавались в основном только со второй половины этого десятилетия), многие из них снимали на лето дачи в стародачных поселках. Дача, о которой идет речь в письме, расположенная в поселке Сосновка (платформа Мамонтовская) в шестидесятые годы, да и позже являлась местом летнего пребывания трех московских семей (хозяева проживали здесь круглый год). 14 июня 1970 г. на даче находились не менее 12 человек, имеющих право голоса. Таким образом, избирательная активность составила 8,33%, а не 99,95%, как это было отмечено центральной прессой при подведении итогов голосования. Впрочем, на результаты выборов это не повлияло. Судя по ним, советский народ оказался, как и раньше, единым.

Впрочем, нет, единым он тогда уже не был, и это тоже видно из писем. Приведу обнаруженные мной всего два фрагмента, в которых речь идет о непопулярных для СССР событиях. Шестидесятники имели исторический «бэкграунд», приучивший их не доверять письмам свои самые тревожные мысли и обсуждать их только в компаниях, где заведомо не было стукачей: помню, как вскипали с новой силой разговоры в компании, собиравшейся в доме моих родителей после ухода нашего родственника – офицера КГБ.

Ну и вот эти обещанные два фрагмента. Первый вообще явился для меня сюрпризом, поскольку до чтения соответствующего письма я вообще ничего не знал о том событии, которое описывает (30 июня 1965 г.) Г.А. Николаева-Суровцева (письмо отправлено адресату в Планерское (Коктебель): «[...] на Кр[асной] площади 12/VI была заваруха. 8-ые классы устроили поножовщину, забросали мавзолеей бутылками, 10-м не разрешили гулянье». Большинству восьмиклассников, которые получали в СССР аттестат об окончании 8 классов, было по 15 лет. Таким образом, «священные коровы» страны уже не были таковыми для родившихся в 1950 г., чьими отцами в большинстве случаев были участники Великой Отечественной войны.

А вот упоминание о другом, гораздо более известном событии – вводе 21 августа 1968 г. войск стран-участниц Варшавского договора (СССР, Польша, ГДР, Венгрия, Болгария) в Чехословакию. Вот что пишет адресату из Таллина¹⁹ Б.Г. Тартаковский (24 августа 1968 г.): «И все же Таллин, хотя пребывание здесь

¹⁹ Перевод на русский названия столицы Эстонии до 1991 г.

и затянулось, очень любопытен и интересен, если б только известные обстоятельства не омрачили последних дней [...]». Более подробное упоминание об отношении эстонцев к этим событиям содержится в упомянутых выше мемуарах: «В свете происходящих событий мы сразу поняли его [гида, сопровождавшего корреспондента – С.С.] отказ от дальнейших экскурсий как проявление осуждения действий советских властей в Чехословакии [...]» [Тартаковский (1) 2005, с. 394].

Вообще, наличие, мягко говоря, не дружелюбного отношения коренных жителей прибалтийских стран к СССР, в состав которого они были включены в 1940 г., видны как из этих мемуаров, так и из одного из писем. Сначала достаточно обширная заслуживающая внимания цитата из мемуаров: «Много интересного показывал нам один из сотрудников филиала (ИМЛ – С.С.), буквально влюбленный в свой город. [...] От него, кстати, мы узнали, что сохранившиеся еще к тому времени разрушения в центре города были результатом налетов советской авиации в самые последние дни перед его освобождением, причем наиболее пострадал центр, где не было никаких военных объектов. Из его слов было понятно, что жители до сих пор не могли этого простить, не говоря уже о депортации десятков тысяч людей после восстановления советской власти. Даже из его весьма осторожных высказываний нам стало ясно, что и события 1940-го года до сего дня живы в памяти эстонцев достаточно твердо» [Тартаковский (1) 2005, с. 394–395]. Лишь позднее и автор этой статьи понял, почему в курортном городке Нарва-Йыэсуу, где он, будучи мальчишкой, отдыхал в частном секторе в августе 1971 г. – первого года семидесятых – часть эстонцев крайне неохотно разговаривали по-русски или вообще делали вид, что не знают русского языка.

А вот десятилетием раньше (14 августа 1961 г.) Б.Г. Тартаковский пишет адресату из Паланги (тогдашняя Литовская ССР) следующее: «Публика, по большей части местная, говорит, как правило, по-литовски и не очень склонны к общению с нами».

Сама история СССР в письмах корреспондентов также не всегда соответствует каноническим описаниям. Наиболее интересен фрагмент из письма Б.Г. Тартаковского (10 августа 1965 г.), отправленного адресату с Соловецких островов: «Монастырь огромный, и его не смогли испортить за сорок лет (хотя во многом преуспели). [...] Черт его знает, кому же вздумалось превратить эту благодать в место заключения, монастырскую тюрьму, «лагерь особого назначения» и т.п. Вообще-то, история здешняя (писаная) обрывается в 1923 г., а источники последующих лет, наверное, не только что мало доступны, но и попросту исчезли. Но ведь ничто не исчезает [...]». Только спустя два десятилетия после написания этого письма, в годы перестройки были названы имена первых лиц советского государства, а также сотрудников ОГПУ²⁰ (по ласковому определению М. Горького, «чертей габардиновых») – авторов соловецкого «античуда». Не подлежавшее опубликованию Постановление СНК СССР от 2 ноября 1923 г. «Об организации Соловецкого лагеря принудительных работ» было подписано Заместителем председателя (т.е. В.И. Ленина) Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР А.И. Рыковым и Управляющим делами СНК Н.П. Горбуновым, которые сами были расстре-

²⁰ ОГПУ – объединенное государственное-политическое управление.

ляны спустя полтора десятилетия – соответственно 15 марта и 7 сентября 1938 г. Любопытно, кстати, что, по-видимому, этот документ не проходил правовой экспертизы, поскольку название лагеря в п. 1 постановления (Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения) отличается от приведенного в «шапке» постановления.

Однозначная оценка сталинистов дается и в другом письме Б.Г. Тартаковского (1 апреля 1970 г.): *«Известная рецензия в «Сов[етской] России» возымела свое действие: весь бывший гефтеровский сектор, который еще как-то сохранился в виде какой-то группы, расшивляли по разным отделам и секторам, дабы невадно было. Хорошо еще, если этим кончится. Боюсь, как бы еще чего-нибудь не придумали»*. Здесь речь идет о хорошо известном советским историкам факте – расформировании за «идеологические ошибки» сектора методологии истории в Институте истории АН СССР²¹ после опубликования его сотрудниками в 1969 г. книги «Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения» (отв. ред. М.Я. Гефтер). В ней были изложены взгляды, несовместимые с господствовавшей тогда идеологией советской исторической науки. На это наложилось закручивание идеологических гаек – следствие чехословацких событий 1968 г. Действия, связанные с продвижением инакомыслия в неандеграундных изданиях, в тот период были обречены...

Вообще, слово «революция», столь популярное в официозе тех лет, в прочитанных письмах не встречено автором ни разу. Б.Г. Тартаковский в письме из Тарусы (7 августа 1963 г.) пишет: *«Вряд ли много есть у нас городишек, которые ухитрились столь безмятежно и неторопливо пережить эти бурные годы»* (выделено мной – С.С.)».

Корреспонденты часто подтрунивают над официальной терминологией, завоевывавшей лексическое пространство строителей коммунизма. Письмо Г.А. Николаевой-Суровцевой (6 августа 1962 г.), направленное адресату в дом творчества композиторов «Сортавала», Карелия: *«И в Институте (ИМЛ – С.С.) порядки старые. Сегодня вывесили новый приказ с призывом укреплять нашу коммунистическую трудовую дисциплину, растить из себя достойных жить при коммунизме»*²². А спустя два года (31 августа 1964 г.) корреспондент пишет адресату в пансионат «Холодная речка», Гагры: *«[...] тебе 7/IX на службу Родине и советскому правительству. И партии, конечно»*. В тот момент никто из рядовых членов партии не предполагал, что «служить» через какие-то полтора месяца придется уже совсем иным «советскому правительству и партии»: оставалось всего полтора месяца до освобождения от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС/Председателя Совета Министров Н.С. Хрущева.

Но, несмотря на отмечавшиеся корреспондентами недостатки системы, им было присуще чувство патриотизма и гордости за свою страну: цинизм без романтической составляющей пришел только с поколением их детей, у которых появилась

²¹ Заведующий сектором – кандидат исторических наук Михаил Яковлевич Гефтер (1918–1995).

²² В 1961 г. XXII съездом КПСС была принята очередная, третья, Программа КПСС – программа построения коммунистического общества, в которой «партия торжественно провозгласила», что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» [Программа... 1964, с. 142]

обида на партию, заменившую коммунизм на Олимпиаду в Москве²³. Двумя же десятилетиями раньше (2 января 1961 г.) Р.А. Зиновьева пишет адресату из Монтевидео, Уругвай, где в то время, находясь в длительной зарубежной командировке, работал ее муж – сотрудник Министерства внешнеэкономических связей СССР Н.В. Зиновьев (1923–1995): «[...] мы ходили в местный театр «Солюс», где смотрели выступление частной детской балетной школы, организованной ученицей Улановой некоей Томиной. За исключением 2–3 номеров, очень слабое исполнение, и **любой наш дом пионеров** (выделено мной – С.С.) может похвастаться куда лучшей программой и исполнением».

Рабочие будни

Эта тема неоднократно поднимается только в письмах единственного иногороднего корреспондента – Л.Л. Альбиной. Потому что со всеми остальными корреспондентами вопросы, связанные с работой, обсуждались адресатом в основном при личных встречах.

В письмах пересекаются два принципиальных мотива – личной заинтересованности в работе и ее результатах, столь характерной для молодых шестидесятников, и неразумности бюрократического руководства. Первый доминирует, и о нем пишется чаще. Например, о текущих делах (4 июня 1962 г.): «*Вообще же я с удовольствием иду каждый день на работу, всегда пересиживаю и работаю с увлечением [...]*» (в отделе редкой книги ГПБ Л.Л. Альбина работала с февраля 1959 г.), о профессиональном росте (20 сентября 1965 г.): «*Теперь на меня нахлынули дела [...], в октябре сдавать экзамен по франц[узскому] и англ[ийскому] языку (чтобы добавили к зарплате)*», о творческих, научных и финансовых результатах трудовой деятельности (28 октября 1965 г.): «*[...] но все же рублей 93–95 буду получать (а сейчас 85), но зарабатываю публикациями. [...] Я уже получила около 400 р. чистых и еще получу. [...] Издавать [...] будут в Италии! и я надеюсь получить гонорар там!*».

К приведенным выдержкам из писем необходимо сделать всего два комментария.

Во-первых, в институтах АН СССР, центральных библиотеках страны сотруднику выплачивалась надбавка к зарплате за знание иностранного языка, если профессиональная деятельность требовала постоянного его использования. Решение о надбавке принималось по результатам специальных экзаменов по языку, проводившихся в учреждениях, где работал сотрудник – соискатель надбавки.

Во-вторых, радость корреспондента по поводу вероятности получения гонорара в Италии легко объяснима. Понятно, что собственно итальянских лир за публикацию автор в СССР не получил бы. Важно другое – эти лиры были бы конвертированы в так называемые чеки Внешпосылторга и отоварены в мага-

²³ Из популярного анекдота второй половины 1970-х гг.

зинах сети «Березка», созданной в 1964 г. для обслуживания советских зарубежных работников, дипломатических, военных, техническим специалистов и других категорий граждан, которые имели легальный доход в иностранной валюте. В таких магазинах реализовывались товары, не торговавшиеся в «рублевой» торговой сети.

А вот о начальстве отзывы порой весьма нелицеприятные: *«Даже подобия научной работы нет, всем теперь ворочает такая псевдонаучная баба, взбалмошная, дурища, завистливая, мерзкая до предела»* (16 сентября 1964 г.). Зная трудолюбие корреспондента, увлеченность предметным полем исследований (вольтерование), автор может свидетельствовать: скорее всего, имелись реальные основания для столь резких суждений. Подтверждением этого служит типичность подобной ситуации: «Увы, дух интеллигентности вызывал раздражение у чиновников [...], был полностью изжит в середине 1970-х годов, когда (М.И. Рудомино²⁴ – С.С.) советскими чиновниками от культуры в угоду тогдашнему председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину была несправедливо отстранена от работы и заменена его дочерью Л.А. Гвишиани-Косыгиной. В Библиотеке воцарилась казенщина и партийность» [Рудомино 2009, с. 206].

А с другой стороны, – надежные друзья, за профессиональные успехи которых радовался корреспондент. После успешной защиты в сентябре 1966 г. адресатом диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук им было сразу же получено письмо (24 сентября): *«Я очень-очень рада за тебя, и все мы сердечно поздравляем тебя с завершением труда и желаем всего-всего хорошего»*. Сама Л.Л. Альбина защитила диссертацию в 1969 г. И это было важно по критериям роста финансового благополучия: если в том же ИМЛ младший научный сотрудник без ученой степени получал 140 руб. в месяц, то старший научный со степенью – уже упоминавшиеся 300 руб.

Однако у гуманитарной интеллигенции столичных центров в 1960-е гг. обязательным ежегодным «развлечением», отвлекавшим ее от профессиональной деятельности становятся поездки в колхоз на помощь убитому в период коллективизации и так и не возродившемуся в течение последующих шести десятилетий советскому сельскому хозяйству. Вот и в письмах Л.Л. Альбиной упоминаются эти события: *«Сейчас я еду в колхоз! На две недели [...]»* (14 августа 1963 г.) и *«Только что приехала из колхоза [...]. У нас была норма – 10 ящиков в день по 27–30 кг. Ящик, плюс тащили их сами [...]. С едой и сном было тоже весьма средне [...]»* (20 сентября 1965 г.). Адресат этих писем также выезжал в подмосковный колхоз в районе платформы Столбовая Курского направления Московской железной дороге, где удобства – на улице, проживание – на двухъярусных нарах («женщины сверху»), а из развлечений – высокоинтеллектуальные разговоры и низкоинтеллектуальное советское кино.

²⁴ Рудомино Маргарита Ивановна (1900–1990) – организатор и директор (в 1922–1973 гг.) Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы (ВГБИЛ), ныне носящей ее имя.

Дефицит

После возвращения из колхоза к нормальной профессиональной деятельности шестидесятников ждала еще одна проблема – отсутствие в магазинах нужных товаров, недоступность конкретных услуг. Несмотря на отраженный показателями таблицы бурный рост их производства, замечу, что в столичных центрах проблема дефицита была менее острой, чем в других городах²⁵, но тем не менее он был, и достать нужную вещь иногда не было никакой возможности. Сюрреализм ситуации: женские туфли в Москву везли с других континентов. Вот что писала адресату в Москву из Монтевидео Р.А. Зиновьева (16 августа 1960 г.): *«Очень прошу, пришли мне размер твоей ножки [...]». Здесь дамы носят каблук в 9–10 см высоты, и такие модели, что лучше Багдадских. Думаю, что тебе они больше понравятся [...]*».

С продуктами дела тоже обстояли не блестяще. В разгар летнего (!) сезона Г.А. Николаева-Суровцева в письме (30 июня 1965 г.), отправленном адресату в Планерское (Коктебель), сообщает: *«А ягоды у нас дорогие, в магазине их нет»*. Таковую ситуацию россиянин, выросший в рыночных условиях, вряд ли сможет понять. Пусть не всегда дешевые, пусть не всегда экологически чистые, но ягоды в современных российских магазинах и на рынках присутствуют круглый год.

Тот же корреспондент годом ранее (31 августа 1964 г.) пишет адресату в пансионат «Холодная речка», Гагры: *«[...] на даче тоже по-старому. Бабки скупают продукты»*. Нужно пояснить, что годом ранее в СССР случился неурожай, и из свободной продажи в магазинах исчезла мука, некоторые другие продовольственные товары²⁶. Наученные этим опытом, население в 1964 г. стало скупать продукты – прежде всего подлежащие длительному хранению крупы, макаронные изделия впрок. Дачные «бабки» – родители поколения моих родителей и интеллигентные, в общем-то, люди²⁷, как это видно из приведенной цитаты, не стали исключением.

Отсутствие продуктов в магазинах порождало у населения своеобразную психологию добытчиков. Дело доходило до абсурда. Вот обширная цитата из письма

²⁵ Упомянутый источник невольно подтверждает фактическую товарную дискриминацию периферии: «Н.С. Хрущев привел убедительные расчеты, которые показывают, что одна Московская область при хорошей работе совхозов и колхозов может обеспечить свежим молоком не только Москву, но и другие города области (выделено мной – С.С.)» [Магазины... 1961, с. 203]. Через полтора десятилетия в 1977 г., будучи студентом Географического факультета МГУ, я находился в экологической экспедиции в г. Череповец Вологодской области. Тогда на меня произвели неизгладимое впечатление огромные очереди, выстроившиеся в один из продовольственных магазинов города, когда в продажу «выбросили» консервированный горошек (!) со свиным жиром (!). Мяса и масла в свободной продаже в этом городе не было, в то время как в Москве пока еще они поступали в розничную торговлю.

²⁶ В провинции было введен нормированный отпуск хлеба. Одно из ярких воспоминаний детства жившего в то время в Украине друга автора, журналиста В.Г. Бойко (1956) – каша из мамалыги.

²⁷ Е.М. Трофимова (1891–1978) – стоматолог, М.Н. Калужина (1901–1979) – учитель биологии, Б.Г. Среберк (1905–1981) – домашняя хозяйка. П.М. Кудюкин в переписке с автором по электронной почте сообщил еще об одном факте, ярко характеризующем рассматриваемый период: «В начале 1960-х гг. я обнаружил в кладовке несколько ящиков с хозяйственным мылом, спичками и солью. Родители, несколько смущаясь, объяснили, что все это было закуплено во время Суэцкого кризиса, потому что «война могла начаться». Для современного читателя – не историка – имеет смысл пояснить, что Суэцкий кризис – это международный конфликт (октябрь 1956 г. – март 1957 г.), связанный с определением статуса Администрации Суэцкого канала, в ходе которого велись военные действия: Великобритания, Франция и Израиль против Египта.

Б.Г. Тартаковского из дома отдыха на Валдае (18 сентября 1967 г.): *«Тут все поглощены заготовками грибов. Это переходит все границы. В Новгороде продан двухгодичный запас эмалированных ведер, уксуса, лаврового листа и прочих специй; литровые банки ценятся на вес золота; не слышен даже стук домино, ибо на всех столах идет лихорадочная чистка грибов. [...] Какой-то массовый психоз. [...] Другой промысел – клюква. Ну, на это производство идут лишь неудачники в грибном деле, тем более, что ведро можно купить за 5 рублей и отправить ягоду в посылке. [...] Но ведь он (грибной психоз – С.С.) действительно заполняет всю жизнь дома отдыха. С утра по шоссе к лесу движется настоящая демонстрация – все с корзинами, авоськами, кошелками, ведрами и просто с полиэтиленовыми пакетами с деловым видом спешат, обгоняя друг друга, преисполненные рвением и твердой уверенностью в необходимости выполнить свой долг».*

Впрочем, без грибов и клюквы можно было обойтись. Тем более что подобного рода продукты в той же Москве можно было купить в системе комиссионной торговли – магазинах Центросоюза. Упомянувшийся уже справочник сообщает, что «здесь же имеются грибы разного приготовления – сушеные, соленые, маринованные...» [Магазины... 1961, с.199]. А вот как можно было достать товары первой жизненной необходимости, прежде всего, дефицитные лекарства, когда в них возникала потребность?

Л.Л. Альбина пишет (23 ноября 1966 г.): *«Папа искал для меня лекарства и спрашивал для себя, но это очень трудно достать, папа говорит, что в аптеки и даже на склад лекарство это не поступает».* Часть лекарств можно было достать в закрытых аптечных распределителях IV Главного управления Министерства здравоохранения СССР, которое обслуживало властную инфраструктуру страны – партийные и правительственные органы. Адресат, работавший в ИМЛ при ЦК КПСС и прикрепленный к соответствующим лечебным учреждениям, если были соответствующие возможности, всегда старался помочь своим друзьям и родственникам приобрести нужные препараты.

Услуги тоже были дефицитными – такси, например, – одна из немногих сфер, где полуподпольно действовали элементы рынка: так называемые «чаевые», повышаемый таксистами тариф в ночные часы (известная фраза «еду в [таксо]парк» часто служила началом рыночной торговли, определявшей цену транспортной услуги). Р.А. Зиновьева пишет из Гурзуфа (17 августа 1968 г.): *«[...] уехать из Симферополя куда-либо дальше практически невозможно. У стоянки такси много машин, много людей, жаждущих уехать, но там процветают какие-то махинации, в которых трудно что-либо понять».*

Удивительно, как, несмотря на все это, в письмах порой возникают общегуманитарные мотивы. Любопытное предвосхищение глобализации, называемой Р.А. Зиновьевой «стандартизацией», и оценка ее возможных негативных последствий содержатся в том же письме: *«На меня же Крым производит каждый раз все более тягостное впечатление. Я впервые его видела «мусульманским», а теперь все более и более стандартным, навсегда утратившим свою самобытность. Еще ведь неизвестно, что несет человечеству «стандартизация жизни».* Унификация потребления, стремление к обладанию все большим и большим количеством материальных благ, деградация духовного оказались, к сожалению, магистральным

путем развития человечества в последующие десятилетия. Как тут не вспомнить эпитафию из Антуана де Сент-Экзюпери, предпосланный братьями Стругацкими к одной из своих книг, написанной в те же шестидесятые: «Есть лишь одна проблема – одна-единственная в мире – вернуть людям духовное содержание, духовные заботы...» [Стругацкий А., Стругацкий Б. 1965, с. 131].

Своеобразным дефицитом были и «элитарные» образовательные услуги. Так, в конце 50-х – начале 1960-х гг. в Москве были созданы так называемые специальные школы «с преподаванием ряда предметов на иностранном (английском, немецком, французском, испанском) языках». Понятно, что конкурс в них был серьезным, хотя коррупционные нарушения, присущие 1970-м, во всяком случае, в таких масштабах не были распространены. Р.А. Зиновьева, чей сын должен был поступать в 1-й класс в 1961 г., пишет из Монтевидео, Уругвай (19 сентября 1960 г.): «Я от своих знакомых узнала, что в Москве открылось много школ со специальным изучением иностранных языков, в частности, английского. [...] Какие туда условия приема? [...] Нужно ли готовить ребенка специально по языку?».

Жилищные условия

Строительство «хрущевок» в конце 1950-х – начале 1960-х гг. и наследовавших им девятиэтажек во второй половине 1960-х гг. способствовало разрешению жилищной проблемы, актуальной для крупных городов. Но это произошло не сразу, и вот фрагменты из нескольких писем Л.Л. Альбиной из Ленинграда: «С жильем у нас еще плохо, снимаем угол, а с приездом папы снимем комнату, это тяжело» (25 августа 1960 г.), «Комната у нас в городе одна (16 м²⁸), но квартира не плохая, тихая, хорошая, большая кухня, в этом году провели отопление, обещают лифт (у нас 5-й этаж)» (4 июня 1962 г.).

Одной из возможностей улучшить свои жилищные условия в 1960-е гг. было строительство жилья за свой счет. Соответствующей институциональной формой были жилищно-строительные кооперативы (ЖСК). Однако на вступление в них также была очередь, и, по-видимому, тому были и идеологические основания: советское государство предпочитало обеспечивать граждан жильем за счет бюджетных средств, но препятствовало чрезмерному разрастанию численности собственников жилья. Например, за годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) доля ЖСК в общем вводе в действие жилых домов (квадратные метры общей (полезной) площади) составила в РСФСР в целом 7,6%, в т.ч. в Москве – 14,8%, а в Ленинграде – 23,1%. Поэтому Л.Л. Альбиной в этом смысле повезло, и она пишет адресату (22 ноября 1962 г.): «А я сумела записаться в жил[ищный] кооператив, и теперь мы ожидаем, что в 1963 году сможем перебраться в двухкомнатную квартиру

²⁸ В письмах, как правило, при характеристике метража комнаты используется линейный метр, в данном случае с семантической точки зрения тождественный квадратному. В этой 16-ти метровой комнате проживали трое: Л.Л. Альбина, ее отец – инженер-кораблестроитель Л.Б. Альбин (1899–1981) и мать – домашняя хозяйка П.М. Альбина (1905–1986).

на 3-м этаже на Московском проспекте возле метро...». Реально переезд состоялся несколько позже, да и дом был построен не на «Московском проспекте возле метро» («Парк победы» – С.С.), а на проспекте Космонавтов в 3–4 остановках от него. В Москве процесс получения отдельного благоустроенного жилья адресатом и корреспондентами был полностью завершён к концу 1960-х гг. Примерно в 1964–1965 гг. в районе метро «Щелковская» был построен кооперативный дом, куда переехали Р.А. Зиновьева и Л.Н. Котлов с семьями, в 1969 г. Б.Г. Тартаковский с семьей и Г.А. Николаева-Суровцева получили квартиры в известном «доме на курьих ножках» на Проспекте Мира напротив скульптуры В. Мухиной «Рабочий и колхозница»²⁹. Наконец, в начале 1970 г. получила отдельную квартиру в так называемом «красном доме»³⁰ на улице Бориса Галушкина и адресат перечисленных корреспондентов.

Легального рынка жилья в стране не было, и переехать можно было, поменяв квартиру. При неравноценном обмене выигравший от него производил неофициальную доплату «проигравшему», ориентируясь на стоимость квадратного метра в ЖСК. При переездах между городами проблемы умножались многократно, тем более что прописка в ряде случаев – прежде всего, в Москве ограничивалась. В связи с этим возникали окольные пути преодоления административных барьеров. Вот что пишет из Ленинграда Л.Л. Альбина (16 января 1965 г.): *«Планы мои на переезд в Москву пока потускнели, так все это тяжело, что сил не хватает [...] Муж родственницы (замена моя – С.С.³¹) [...] говорит – пусть выходит замуж [...] хотя бы фиктивно, тогда легко можно переехать»*. И спустя некоторое время (20 сентября 1965 г.): *«Наши мечты о Москве пока в силе [...]. Если [...] не трудно спросить, в каких случаях обмен разрешают, то, пожалуйста, напишите мне об этом»*. Но к этому времени корреспондент уже стал профессионально реализовываться: *«[...] в Москве у меня все надо начинать снова [...]»* (28 октября 1965 г.), и обсуждавшаяся в письмах на протяжении ряда лет возможность его переезда в Москву так и не стала реальностью.

Получить благоустроенное жилье – это было далеко не все. В СССР одной из дефицитных услуг были услуги телефонной связи для населения (исключение в определенной степени представляли в городах услуги связи, получаемые с использованием уличных телефонов-автоматов)³². Для получения квартирного телефона

²⁹ Местным населением использовалось неофициальное название скульптуры «В Москву за жилплощадь», обязанное своим появлением тем, что в 1960-е да и начале 1970-х гг. в прилегающих районах было много двухэтажных барачных домов, в которых поселялись в том числе и приехавшие в столицу по лимиту жители других регионов РСФСР для работы на московских заводах и фабриках.

³⁰ В Москве есть несколько таких домов, которые строились для работников силовых ведомств и партийных чиновников. Наиболее известен так называемый «бериевский» квартал в районе метро «Университет», есть также дом на улице Куусинена в районе метро «Полежаевская».

³¹ Упомянутые в письме лица здравствуют и в настоящее время.

³² Часто и эти услуги переходили в разряд дефицитных. Завершая разговор, вызывающий из телефона-автомата абонента на квартирном телефоне иногда говорил: «Тут уже стучат», что свидетельствовало о собравшейся у телефонной будки очереди желающих позвонить. Что касается загородной местности, то неотъемлемой жизнью подмосковных дачных поселков в летнее время были ежедневные посиделки их жителей на площадке перед единственным телефоном-автоматом, по которому можно было позвонить в Москву.

нужно было стоять в очереди, которая растягивалась на годы³³. Поэтому нетрудно понять радость Б.Г. Тартаковского, который, находясь на отдыхе в литовском городке Зарасай³⁴, получил информацию о подвиге в решении вопроса об установке в его «хрущевке» в Марьиной Роще квартирного телефона. Вот что он пишет адресату (15 августа 1966 г.): *«Потрясающую вещь Вы мне сообщили! Вот это да! Даже поверить трудно. И страшно – вдруг сорвется. Сейчас же пишу заявление на имя мсьё Аляутдинова, нач[альника] Дзерж[инского] телеф[онного] узла по Вашему совету»*.

Отдых, культура

Несмотря на все бытовые сложности, корреспонденты вели активную культурную жизнь, ездили в туристские поездки, обогащали, как сказал В.И. Ленин на III съезде комсомола, «свою память знаниями всех тех богатств, которое выработало человечество» [Ленин 1974, с. 305]. Например, Л.Л. Альбина пишет (4 июня 1962 г.): *«Верно, все в нашем среднем возрасте (33 года – С.С.) увлекаются туризмом. Я была в Теберде [...] в прошлом году, была в Нальчике 10 дней возле Эльбруса, ездила по военно-грузинской дороге в Тбилиси, отдыхала в Лазаревском, и все это в компании опытейших туристов. В мае ездила в Новгород на 3 дня и приехала совсем обалдевшая от Феофана Грека³⁵, Софии³⁶, Нередицы³⁷, от всего прочего, от несравненной, ясной, чистой, гармоничной архитектуры церквушек XI – XIII вв. [...] Очень хочу теперь поехать теперь в Псков, во Владимир, Суздаль и т.д.»*. Тремя годами позже «туристский» стиль жизни корреспондента, приближавшегося к 40-летнему рубежу изменился не очень сильно (24 сентября 1966 г.): *«Много я шатаюсь в филармонию, театры, кино, выставки, читаю всякое, езжу тоже не мало... Летом была в Армении и Азербайджане по туристской путевке [...] Даже фотографировала довольно много, все говорят, что для первого раза очень прилично [...]»*. А адресат этих писем с компанией друзей в 1960 г. совершили «дикарями» туристскую поездку на Западную Украину, совершив, в частности, восхождение на Говерлу – самую высокую гору (2061 м над уровнем моря) на территории Украины.

Наблюдая картинки из жизни отдыхающих, задолго до С. Довлатова Б.Г. Тартаковский пишет адресату из Сочи (21 мая 1964 г.): *«Одна пухлая молодая дама, осмотревшись, высказалась во всеуслышание: «Я приехала, чтобы как следует*

³³ Телефон в упоминавшейся в статье квартире адресата на Ленинском проспекте в Москве был поставлен только через 8 лет после вселения.

³⁴ Помимо живописного местоположения, известен тем, что в нем родился один из руководителей Белого движения П.Н. Врангель (1878–1928).

³⁵ Феофан Грек (ок. 1340–ок. 1410) – русский и византийский иконописец, работал в Великом Новгороде в 1370–1390-х гг.

³⁶ Софийский собор в Великом Новгороде, построен в 1045–1050 гг.

³⁷ Церковь Спаса на Нередице (Новгородская область), построена в 1198 г.

отдохнуть, а тут одни женщины». В «Заповеднике» о том же практически теми же словами говорит профессиональный писатель: «Блондинка с толстыми ногами, жестикулируя, выкрикивала: – Татуся, слышишь?! Ехать не советую... Погода на четыре с минусом... А главное, тут абсолютно нету мужиков... Але! Ты слышишь?! Многие девушки уезжают, так и не отдохнув...» [Довлатов 1993, с. 405]. Воистину вечный сюжет!

Кроме поездок по СССР, у части столичной интеллигенции в тот период была возможность иногда выезжать в заграничные турпоездки, которые, как правило, начинались с социалистических стран. Поведение советского гражданина в таких поездках определяло его готовность к возможной поездке в будущем и в капиталистическую страну³⁸. Но путевки даже в социалистические страны не поступали в свободную продажу, а распространялись через организации: желающий поехать подавал заявление, которое рассматривалось общественными и партийными организациями (профком, партком), а окончательное решение о допуске к поездке – в случае успешного прохождения собеседования – принимал райком КПСС. Это объясняет фразы из письма Л.Л. Альбиной (14 августа 1963 г.): *«Дело в том, что я была в этом году в Болгарии и Румынии по туристской путевке. Все это произошло неожиданно, и мне пришлось много бегать, собирать всякие справки, сама знаешь»*.

Впрочем, помимо турпоездок, шестидесятники активно «грузились» отпельной культурой, также весьма дефицитной. Так, адресат цитируемых писем и ее муж приобщились к спектаклям недавно созданного театра на Таганке не в Москве, а в Сухуми, где летом 1966 г. удачно совпали по времени гастрольи театра и отдых адресата в упомянутом санатории МО ПВО.

Понятно, что произведения, которые читал адресат и его корреспонденты, были созданы так называемыми «прогрессивными» авторами. Находясь в длительной командировке по линии Министерства внешней торговли в г. Сана, Йемен, Л.Н. Котлов шуточно подтрунивает над культурными пристрастиями адресата и ее друзей (23 марта 1964 г.): *«Эх вы, народ, изнеженный поэмами Вознесенских³⁹ и Воскресенских, убивающие время за чтением Хафиза [...], предпочитающий Окуджаву просмотру наиновейших и более пожилых кинокартин вроде «Осторожно, бабушка»⁴⁰ и «Яблоко раздора»⁴¹*.

И, конечно, неизгладимое впечатление на адресата и людей ее круга произвел впервые опубликованный в СССР в журнале «Москва» в 1966–1967 гг. роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Публикация была осуществлена с некото-

³⁸ Этого избегал адресат писем, отправляясь в поездки в Великобританию и во Францию в начале 1960-х гг. в составе туристской группы идеологически проверенного учреждения – ИМЛ при ЦК КПСС.

³⁹ Вознесенский А.А. (1933–2010) – поэт.

⁴⁰ Далеко не лучший фильм 1961 г. Н.Н. Кошеверовой (1902–1990) – режиссера действительно замечательных фильмов «Золушка» (1947), «Старая, старая сказка» (1968), «Тень» (1971) и др. В упомянутом фильме «в конце концов всё хорошо кончается. И Дом культуры отстроили вовремя, и концерт удался на славу, и девчата помирились со своими женихами» [Электронные ресурсы 6].

⁴¹ Фильм 1963 г. режиссера В.Н. Плучека (1909–2002). Сюжет этого «антирыночного» фильма состоит в следующем: «Председатель благополучного колхоза Илья Руденко приготовился к торжественной встрече своего знаменитого земляка полковника в отставке Коваля. [...] А когда председатель стал готовить весь урожай яблонь сады для отправки на Север, чтобы продать там втридорога, Коваль сказал свое слово жестко и однозначно – и получил такую же однозначную поддержку у всех жителей Затишья» [Электронные ресурсы 6].

рыми купюрами, и впоследствии было модным клеивать в журналы листочки с машинописным текстом изъятий, полученных неизвестно кем из редакции журнала и разошедшихся впоследствии в огромном количестве экземпляров. И вот впечатления Л.Л. Альбиной от прочитанного (декабрь 1966 г.): «Прочитала «новый» роман Булгакова, 1-ую часть в журнале «Москва» № 11, «Мастер и Маргарита» [...] великолепно, восторг и т.д.».

Бардовская песня также привлекала внимание столичной интеллигенции. Б.Г. Тартаковский пишет из упоминавшегося литовского городка Зарасай (7 августа 1966 г.): «(Сергей⁴² – С.С.) выучил кучу новых песен Галича, Визбора⁴³, Высоцкого⁴⁴, Клячкина⁴⁵, Кима⁴⁶ и даже неизвестного мне Алмазова⁴⁷. Есть среди них весьма славные, например, про графа (начало: «Вставайте, граф! Рассвет уже ложится...»; конец: «И граф идет. Он хочет быть счастливым, и он не хочет, чтоб наоборот⁴⁸»,), или про самодержца Николашку⁴⁹».

Вообще, ход мыслей корреспондентов, при том что ни один из них не был профессиональным экономистом, адекватен духу рыночных реформ, начавшихся в стране спустя почти три десятилетия. Предвосхищая рыночные отношения, Г.А. Николаева-Суровцева тем же интеллигентным стебом пишет в Дом творчества композиторов «Сортавала», Карелия (30 июля 1962 г.): «Присмотрите там дачку. Говорят, почти даром. Можно будет открыть частный пансионат. Когда обберем отдыхающих, купим самолет, чтобы летать на воскресенье. Сила! Не идея! А?».

Быт

Скептическое отношение корреспондентов к качеству советского быта прослеживается в целом ряде писем. Приведу наиболее яркие, по моему мнению, фрагменты. В некоторых письмах обращается внимание на низкое качество бытовых услуг

⁴² С.Б. Тартаковский (1950) – сын Б.Г. Тартаковского.

⁴³ Ю.И. Визбор (1934–1984) – бард, журналист, писатель, сценарист, актер.

⁴⁴ В.С. Высоцкий (1936–1980) – актер, бард.

⁴⁵ Е.И. Клячкин (1934–1994) – поэт, бард.

⁴⁶ Ю.И. Ким (1936) – бард, поэт, сценарист.

⁴⁷ См. стр. 1 статьи.

⁴⁸ Песня Ю.И. Визбора, написанная в 1962 г. Речь в ней идет о нашем современнике («И граф встает, ладонью бьет будильник/Берет гантели, смотрит на дома//И безнадежно лезет в холодильник //А там зима, пустынная зима»).

⁴⁹ Песня, приписываемая чаще всего А. Галичу (иногда в качестве авторов называются также Ю.Ч. Ким и А. Флейтман (1930)). Структура песни: 1) описание положительных качеств лидеров России (СССР); 2) свержение (смерть) лидера; 3) развенчание бывшего лидера. В конце песни – резюмирующий куплет (На то она, история // Та самая, которая // Ни столько, ни полстолько не соврет). Автору в середине 1960-х гг. были известны куплеты про Николая II, Сталина и Хрущева. В настоящее время доведена неизвестными авторами (через периоды Брежнева, Горбачева и Ельцина) до периода Путина. По поводу целесообразности приведения цитаты про царя Николашку у автора статьи возник спор с его женой, к.э.н. И.М. Смирновой из-за его последующей канонизации. Автор остался на своей позиции – преподносить нецензурированные взгляды шестидесятников. Кроме того, по мнению автора, канонизации не должны подлежать лица, облученные когда-либо государственной властью.

в стране. Например, Б.Г. Тартаковский, будучи в командировке в Ленинграде и проживая в гостинице, пишет адресату (23 июля 1961 г.): *«Ну, а в общем здесь все в «модерном» стиле, только вот лифт упорно не работает, а на дверях душевой висит унылая надпись (на русском языке и неразборчивым почерком) – «душевой пользоваться нельзя»*. Как все это знакомо не только самим шестидесятникам, но и их детям! Маленькая деталь уже из жизни автора: обучение на втором курсе Географического факультета МГУ завершалась для будущих экономико-географов полевой практикой, носившей название автобусной, поскольку перемещение в пространстве в течение почти полутора летних месяцев осуществлялось на предоставленном в распоряжение группы автобусе с Базы экспедиционных и специальных машин университета (БЭСМ). Конечным пунктом поездки нашей группы был город Гродно (Белоруссия), где мы жили в общежитии Гродненского педагогического института. Так вот, там не было воды. Вообще! Никакой! При том что мы там не были единственными жильцами.

Тот же корреспондент пишет из упоминавшегося города Павловска Воронежской области (24 июля 1960 г.) о его центральной площади, *«на которую выходят бывшие лабазы с коваными железными дверями, а ныне – всевозможные «Маги» – хоз-, прод- и т.д.⁵⁰»*. Имеется и ресторация совершенно трактирного типа, где бойко торгуют отварной свининой и **подозрительного вида биточками с макаронами** (выделено мной – С.С.). Жившие в советский период прекрасно помнят эти биточки – абсолютно внерегиональный, общероссийский феномен, объединявшей всех пользовавшихся услугами предприятий общественного питания. Представляли собой продукт, исключительно удобный для фальсификации. Нормы закладки продуктов в фарш для биточков (*«на 500 г мяса (мякоти) – 125 г белого хлеба, ½ стакана сухарей, ¾ стакана молока или воды и 2 столовые ложки масла»* [Книга о вкусной... 1953, с. 179]). Эти нормы не соблюдались, и пресловутые биточки порой более, чем на 50% состояли из хлеба.

Но и к бытовым сложностям во многих случаях отношение было вполне юмористическим, а их описание – вполне «стебовским». Б.Г. Тартаковский пишет из Тарусы (7 августа 1963 г.): *«Других занятий – за исключением хозяйственных, а их немало, так как согласившаяся готовить нам женщина заболела, и мы перешли на полное самообслуживание (ступень к коммунизму [...]) – пока что упорно избегаю...»*.

Но в завершение – оптимистичная нота, точнее, бытовая радость: дачные посиделки – открытие и закрытие сезона, дни рождения в трехмесячном промежутке. На нашей, уже упоминавшейся даче в Сосновке сложилась даже своеобразная традиция: бутылки, выпитые за сезон, откладывались, а незадолго до переезда в Москву они грузились в рюкзаки и отвозились на велосипедах в местный пункт приема стеклотары. На вырученные деньги покупалась горячительная составляющая банкета, устраивавшегося накануне переезда в Москву. Масштабы явления могут быть легко оценены с использованием данных, приведенных в письме Г.А. Николаевой-Суровцевой в пансионат «Холодная речка», Гагры (31 августа

⁵⁰ В качестве справки отметим, что «в 1856 г. в уездном городе Павловск Воронежской губернии насчитывалось 4 церкви, 577 домов, 57 лавок» [Электронные ресурсы 7].

1964 г.): «[...] *А бутылок продали только на 5,50*». Нехитрые расчеты показывают, что при цене пол-литровой бутылки водки 2 руб. 87 коп. на эту сумму могли быть куплены всего 2 бутылки. А вот за предыдущие 3 месяца были выпиты 46 бутылок (при цене пустой стеклотары 12 коп. за бутылку). Не так уж и много – где-то по 3 бутылки на одного выпивавшего шестидесятника за все лето. А ведь были еще и гости.

Вместо заключения

Буду краток: столичная интеллигенция в шестидесятые годы XX в. полноценно жила, невзирая на все общественно-политические и бытовые ограничения, существовавшие в СССР, жила так, как считала нужным, в общем-то «назло режиму», выстраивая свои правила порядочной игры. Уроки той жизни представляют ценность для нынешнего поколения россиян, россиян эпохи глобализации и «стандартизации», россиян, которые должны осознать, что Россия – отнюдь не единая страна, а совокупность граждан, каждый из которых имеет свои собственные интересы. Которые могут и должны реализовываться, но не за счет нанесения физического, имущественного и экономического ущерба другим гражданам. При условии соблюдения данного ограничения на роль национальной идеи вполне могут претендовать известные строки А. Галича: «Пусть каждый шагает, как хочет», поскольку «Если все шагают в ногу//Мост разваливается».

Литература

- Вайль П.Л., Генис А.А. (1996) 60-е: мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение.
- Довлатов С. (1993) Заповедник. Собрание прозы в трех книгах. Книга 1. СПб.: Лимбус-пресс, с.325–415
- Книга о вкусной и здоровой пище (1953). М.: Пищепромиздат.
- Кольцов П.С. (1990) Дипломат Федор Раскольников. М.: Издательство политической литературы.
- Ленин В.И. (1974) Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи. 2 октября 1920 года. ПСС, т. 41, с. 298–318. М.: Издательство политической литературы.
- Магазины Большой Москвы (1961). Справочник. Второе, дополненное издание. М.: Московский рабочий.
- Маркс К. (1989) Разоблачение дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. № 1–4
- Мосолов В.Г. (2010) ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921–1956 гг. М.: Новый хронограф.
- Некрич А.М. (1965) 1941. 22 июня. М.: Наука.
- Немирович-Данченко Вл.И. (1979) Избранные письма в двух томах. М.: Искусство.

- Рудомино Адриан В. (2009) Легендарная Барвиха. Записки старожила об истории, природе и частной жизни. М.: Издательский дом ТОНЧУ при участии журнала «Наше наследие».
- Смирнов Н.Г. (1997) Вплоть до высшей меры. М.: Московский рабочий.
- Смирнов Н.Г. (2001) Репрессированное правосудие. М.: «Гелиос АРВ».
- Смирнов Н.Г. (2003) Так было. Рукопись. (домашний архив автора, библиотека общества «Мемориал»).
- Смирнова В.А. (1963) Вильгельм Вольф – человек, которому Маркс посвятил «Капитал». М.: Издательство социально-экономической литературы.
- Смирнова В.А. (1972) Гюстав Флуранс. М.: Мысль.
- Смирнова В.А. (1989) Первый директор Института К.Маркса и Ф.Энгельса – Д.Б. Рязанов // Вопросы истории КПСС. № 9.
- Стругацкий А., Стругацкий Б. (1965) Хищные вещи века. М.: Молодая гвардия.
- Пастернак Борис (1981) Переписка с Ольгой Фрейденберг. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- Программа Коммунистической партии Советского Союза (1964). М.: Политиздат.
- Тартаковский Б.Г. (1) (2005) Все это было... Воспоминания об исчезающем поколении. Предисловие Я.С. Драбкина. М.: АИРО-XX.
- Тартаковский Б.Г. (2) (2005) Из дневников военных лет. Предисловие А. Галкина. М.: АИРО-XX.
- Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР (1995). Сост. И.Г. Арефьева. М.: Наука.
- Шарапов Ю.П. (1995) Лицей в Сокольниках: Очерк истории ИФЛИ – Московского института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского (1931–1941 гг.). М.: АИРО-XX.
- Электронные ресурсы:
1. <http://vadimegorov.by.ru/>
 2. <http://www.bards.ru/archives/>
 3. <http://www.mosarchiv.mos.ru/images/>
 4. <http://www.agitclub.ru/vybory/>
 5. <http://www.statnet.ru/new/adv/hotel/dachastalin>
 6. <http://www.kino-teatr.ru/>
 7. http://www.mojgorod.ru/voronezh_obl/pavlovskv/